

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПАФОС ФИЛОСОФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

А. О. Слепцова

Тамбовский государственный технический университет

Поступила в редакцию 18 января 2023 г.

Аннотация: в статье анализируется роль личности в деле совершенствования земного бытия в философской системе Н. А. Бердяева. Для философа представляется невозможным продолжение существования мира таким, каким он был прежде, настало время духовного единства, основанное на общей цели преобразования мира. Была определена миссия личности, которую Н. А. Бердяев, провозгласив сотворцом Бога, призвал к не просто искренней вере и христианскому смирению, а к активному «напряжению духа», преодолению всего природного в себе для обнаружения того божественного, бессмертного начала, которое позволит сделать мир и самого себя такими, какими их задумывал Бог.

Ключевые слова: личность, гуманизм, свобода, творчество, бытие.

Abstract: the article analyzes the role of the individual in dealing with the variant of earthly existence in the philosophical system of N. A. Berdyaev. For philosophy, it is assumed impossible to continue the existence of the world in the way it was first of all, the time has come for spiritual unity, based on the common goal of transforming the world. The mission of the personality was determined, which N. A. Berdyaev, proclaiming God the co-creator, called for not only sincere faith and Christian humility, but for active “strain of the spirit”, overcoming everything natural in oneself in order to discover that divine, immortal beginning that would make the world and oneself the way God intended them.

Key words: personality, humanism, freedom, creativity, being.

Рубеж XIX–XX вв. в России для творческой интеллигенции стал периодом активного поиска новых ориентиров во всех сферах жизни. Н. А. Бердяев был одним из тех, кто верил в необходимость перемен, притом не только в масштабе страны, а в масштабе всего мира. Философ не мог удовлетвориться современностью в принципе, поскольку ожидал от мира божественного совершенства. По словам С. А. Титаренко: «Бердяев одержим жаждой абсолютной красоты и поэтому не может удовлетвориться никакой красотой реального мира» [1, с. 88].

Философская система Н. А. Бердяева представляет собой опыт панорамной рефлексии над всеми категориями человеческого бытия. Итогом эволюция взглядов философа становится исключительно религиозный характер понимания Н. А. Бердяевым проблем свободы, личности, творчества, добра и зла. Хотя начал он своей творческий путь как марксист, эта материалистическая доктрина не смогла вместить культ свободы, ценность которой Н. А. Бердяев возвел в абсолютную степень, поэтому он «перерастает марксизм и приходит к философскому идеализму» [2]. Реализация идеи о всеобщем равенстве и тоталь-

ной справедливости в Советской России имела мало общего с представлениями Н. А. Бердяева о должном новом бытии.

Возведя человека в ранг демиурга нового, богоугодного мира, Н. А. Бердяев исключает целесообразность власти, исходящей от человека, единственным источником власти для него является Бог, а формой объединения – церковь как воплощение сверхиндивидуального сознания, как холистический всечеловеческий разум. Н. А. Бердяев считает государственную власть историческим явлением, которое соответствовало языческому периоду человеческого восхождения к своему подлинному назначению – быть продолжателем божественных дел. Христианство же, указав путь к новой, обретшей смысл жизни, предполагает существование отдельной личности в соборном человеческом единстве, для которого – «Христос – Царь и Первосвященник» [3, с. 164]. Имманентным качеством спасенного от власти природы мира станет отсутствие любого внешнего принуждения. Н. А. Бердяев отрицает возможность параллельного существования земной и небесной власти, ведь этот этап человечество переросло. Добровольное единение в

церкви станет результатом осознания новых перспектив человеческого бытия, веры в возможность спасения: «Есть круговая соборная ответственность всех людей за всех, каждого за весь мир, все люди – братья по несчастью, все люди участвовали в первородном грехе, и каждый может спастись лишь вместе с миром» [там же, с. 190].

Очевидно, что философ был далек от традиционного православного миропонимания. А. П. Желобов, анализируя гуманистический аспект в антропологии Н. А. Бердяева, обнаруживает, что у него «человек богоравен» [4, с. 109] и главный грех христианства в том, что оно этого не признало. Н. А. Бердяев не просто религиозный философ, он – богоискатель, цель которого не утверждать религиозные истины, а открывать их. Его философия антропоцентрична и гуманистична до той степени, что Н. А. Бердяева, как замечает Дж. Янг, «обвиняли в узурпации сил Божиих и присвоении их человечеству» [5, р. 138].

Специфика взглядов Н. А. Бердяева стала предметом анализа широкого круга исследований. С. А. Титаренко в процессе «реконструкции религиозно-философского обоснования антропологии Бердяева» [1, с. 9] замечает, что Н. А. Бердяев «не просто философ текста, а философствующая личность, оставляющая выраженное слово как мост на пути к подлинному общению с собой, своим внутренним словом» [1, с. 6]. Обнаруживает личностную специфику философии Н. А. Бердяева и М. М. Дэви, утверждая, что «все опыты Бердяева принадлежали его религиозной жизни и имели форму личного откровения» [6, р. 43].

По мнению В. П. Яковлева, такой подход к философствованию объясняется его ключевой идеей, а именно восприятием философом «личности» как призмы, через которую видится весь мир [7, с. 42], поэтому бердяевское наследие следует понимать как результат познания смыслообразующих основ человеческого бытия личностью, для которой свобода была высшей ценностью.

Н. А. Бердяев наделял личность полномочиями творца, видя в ее творческом потенциале реализацию высшего предназначения, а какое-либо умаление и ограничение ее считал преступным богоотступничеством. Поэтому философ обрушивается с яростной критикой на современную ему эпоху, которая, по его мнению, стала воплощением философского эпигонства, лишив личность права творить. Формальные требования к философии как к науке, согласно Н. А. Бердяеву, полностью уничтожили творческое начало, не оставив личности, субъекту философии, свободного поля деятельности. Н. А. Бердяев в этом становлении наукообразности философии обнаруживает уничтожение жизненной силы философии, ликвидацию некогда живой мысли путем запрета

созидать новое. «Когда обращаемся к прошлому, часто поражаемся творческому дерзновению наших предков: они дерзки быть, мы же потеряли смелость быть», – упрекает философ современников, которые, по его мнению, «сами не дерзают уже» [3, с. 14]. Для Н. А. Бердяева не существует ценности знания, выведенного исключительно логикой, утвердившиеся представления о мире навязываются человеку как данность, человек лишается возможности реализовать свой потенциал, поэтому только тот путь познания ценен, который предполагает свободный выбор в конструировании реальности, который оставляет за человеком право свободного волеизъявления.

Восприятие мира как одномерного и однозначного для Н. А. Бердяева, по мнению Н. В. Чекера, началось с момента библейского грехопадения: «отпав» от Бога, измененный, падший человек «порождает» свое другое – «объективный мир» [8, с. 95]. Этот мир до конца понятен человеку, жизнь в нем не требует от него больше, чем от любого животного, но для человека он чужд и мал, поскольку тот ощущает, что создан для чего-то большего, так, согласно Н. А. Бердяеву, за рамками «объективного мира» остается весь творческий потенциал личности, сама возможность сказать что-то новое.

При этом философ критически оценивает и субъективистский подход к пониманию мира, который уничтожает ориентиры, оставляя личность в ценностном вакууме. Без религиозной составляющей, без поиска Бога или поиска того, что его заменит как новый Абсолют, всякая мировоззренческая система обрекает личность на существование либо в бессмысленном круговороте жизней и смертей, либо на «трагедию пустой свободы» [3, с. 126].

Для Н. А. Бердяева философия должна существовать как поиск предельных смыслов бытия, как «напряжение духа» [там же, с. 293], стремящегося найти более совершенную форму существования, так мыслитель может простить заблуждение искателю Абсолюта, но не эпигонство труса.

В связи с этим как не парадоксально, но из современников один лишь Ф. Ницше-богоборец стал для Н. А. Бердяева тем, кто «с неслышанной дерзостью решился сказать что-то; он нарушил этикет критической эпохи, пренебрег приличиями научного века» [там же, с. 15]. Результатом богоискательства Ф. Ницше для Н. А. Бердяева стал сверхчеловек, так «он проповедует сверхчеловека, который есть для него псевдоним божественного» [9, с. 34]. Эти смелость и самобытность Ф. Ницше, как пишет Д. Галеви, сделали его на долгое время «человеком, умершим для науки» [10, с. 136], поскольку в своих дерзновенных откровениях он пренебрегал научной точностью и не оглядывался на общепринятые ценности и представления.

При этом Н. А. Бердяеву чужд антисциентизм, для него наука богоугодна, если она не ограничивает человеческое познание видимым миром, более того, каждое научное открытие есть результат веры, веры в существование неизведанного, неочевидного. Философы-атеисты, безусловно, верили, но их Богом были абстрактные идемы, также не имеющие материального воплощения и также требующие безусловной веры. У знания и веры одинаковая цель – обнаружение неочевидного. Не может быть никакой науки там, где не нужны интуиция, догадки и предположения, поскольку вера в то, что есть нечто неведомое, – это основа научного поиска. Поэтому любое ограничение человеческой мысли, ее закрепощение уже известным, интеллектуальная трусость и душевная слепота всегда приводят к стагнации и упадку как в науке, так и в сфере поиска высших истин и конечных смыслов.

Почему же современная философия эпоха «страдает волей к бездарности, волевым отвращением от гениальности и даровитости» [3, с. 16]? Н. А. Бердяев объясняет это тем, что тотальный гностицизм настолько формализовал поиск истины, что лишил субъект права самостоятельно мыслить. Произошло обесценивание субъекта познания, личность стала инструментом, который лишь в состоянии повторять, а не творить. Институционализация философии и разрыв с религией лишили ее питания, возможности личностного дерзновения в поиске высших истин. Поэтому эпоха Средних веков, традиционно оцениваемая как время порабощения интеллектуальной свободы фанатичной верой, для Н. А. Бердяева является периодом, когда человек обладал привилегией свободного мышления, так, он мог рассуждать о ангелах и бесах, сущности Бога, грехах и добродетелях, не сковывая себя требованием наличия эмпирической доказательной базы.

Для философа нет большей ценности, чем личность с ее свободой, отчуждение которой и спровоцировало кризис философии. Личность для Н. А. Бердяева является условием самоосуществления Бога в земном мире, личность выступает как продолжатель дела творения и является, бесспорно, центром мироздания. В бердяевском понимании, согласно Дж. Янгу, у человека великая миссия, так, «Бог нуждается в нас для завершения, начатого им дела» [5, р. 135–136]. С ним согласен Р. Хьюз, который обнаруживает в бердяевской интерпретации зависимость Бога от своего главного творения: «Человеческое творчество выражает любовь человечества к Богу и способствует приходу Царства Божия. Если бы люди отказались от своего долга творить, то продолжающееся творение мира прекратилось бы и причинило бы Богу страдания» [11, р. 129].

Если у Н. А. Бердяева личность сверхценна, то самым большим злом становится ее утрата, исчезно-

вание субъекта-продолжателя божественного дела. Здесь Н. А. Бердяев в некоторой степени соглашается с Н. Ф. Федоровым, видевшим в смертности человеческого рода источник всех зол в мире. Воскрешение мертвых, которое Н. Ф. Федоров рассматривает как долг живых перед ушедшими, в философии Н. А. Бердяева получает иное прочтение. Простого воскрешения будет недостаточно для преобразования мира, следует полностью изменить не только природный порядок, но и суть человека.

Поскольку во главе его философии находится такая категория, как «творчество», то и воскресить он стремится не сколько биологическую жизнь, сколько творческое начало. По словам Дж. Янга, «возродить к жизни» означает для Бердяева «не обязательно телесное воскресение, а скорее нечто вроде завершения потенциальной духовной личности человека» [5, р. 138]. Для Н. А. Бердяева творческое начало в человеке является тем элементом личности, который потенциально содержит в себе возможность бессмертия.

Гуманизм Н. А. Бердяева следует ассоциировать не с состраданием к человеку как живому существу, бытие которого полно трагизма, и живущему с осознанием бренности своего бытия, а скорее с ницшеанским гуманизмом, требующим для человека предельной свободы волеизъявления и ожидающим от него бунта против любой формы воздействия извне. О родственности воззрений говорит и то, что Н. А. Бердяев исключительно положительно отзывался о Ф. Ницше, который бичевал сострадание, а человека ценил лишь как потенциал для создания новой, более совершенной жизненной формы.

Гуманизм Н. А. Бердяева носит ренессансный характер, ведь именно тогда утверждается ценность человека как творца, культ гения и вера в исключительность человеческой природы, которая основана на способности создавать не только утилитарные вещи. Эта способность – выход за пределы природной необходимости – была не чем иным, как доказательством божественной природы личности человека. Человек не подобно зверю роет нору, которая есть жизненная необходимость, а создает нечто прекрасное и одновременно ненужное для поддержания телесной оболочки, подобно демиургу, полностью свободному от природного принуждения. Н. А. Бердяев подчеркивает исключительно божественную природу способности творить как сверхъестественную для природного мира, таким образом, философ возвеличивает в человеке божественное начало. Рассуждения Н. А. Бердяева устремлены в будущее, в личности человека он ценит заложенную возможность к саморазвитию, преодолению природы и культивации божественного начала: «Плоть этого мира и плоть каждого из нас должна быть спасена

для вечности, а для этого нужно ... соединять этот мир с Богом» [3, с. 141], – т. е. надо стать сотворцом.

Творчество, в прочтении Н. А. Бердяева, категория практически безграничная, подразумевающая не только созидание чего-то, но и созидание самого себя, развития божественного начала в личности: «Человек ввергся в стихию звериного хаоса и мучительной историей, трудовым развитием, длительным процессом творчества должен ... освободиться из плена для нового и окончательного избрания себе бытия в Боге или небытия вне Бога» [там же, с. 149]. «Стихия звериного хаоса», как полная подчиненность человека природным законам, есть результат библейского богоотступничества и вся история человечества, в таком случае, становится путем искупления этого греха, исправления своей греховной природы, тернистым путем возвращения оступившегося человечества к Богу. Стремление к преодолению конечности жизни как характеристики, которая ставит в одинаковое положение со всем живым миром, было свойственно человеку всегда, поэтому не соотносимо ни с местом, ни со временем, всякая духовная практика основана на поиске возможности вечной жизни. Все религии мира содержат концепцию бессмертия как основу для этических норм, на ее основе формируются вся логика бытия.

Согласно Н. А. Бердяеву, языческое мировоззрение единственной формой бессмертия видело бессмертие человечества как вида, в детях находя продолжение жизни, и не претендовало на поиск индивидуального спасения. Вся религиозная система была связана с культами предков и плодородия, только объединением родственной связью с будущими поколениями язычник мог сопротивляться смерти. Однако Н. А. Бердяев уверен в тщетности подобной попытки человечества победить смерть: «Бессмертие в родовой жизни, в детях и внуках, как и бессмертие в нации, в государстве, в социальном коллективе, ничего общего не имеет с бессмертием человека» [9, с. 102], ведь о сохранении личности здесь речи не идет и человек здесь ничем не отличим от животных. Иллюзорна вера и в возможности человека как социального существа, настоящий прогресс невозможен, пока «живет человек безумной мечтой победить смерть рождением, а не вечной жизнью» [3, с. 124].

Иное прочтение проблемы смерти и бессмертия философ обнаруживает в христианской традиции. Только христианство ожидает конец человеческой истории со всеобщим воскрешением, наделяя тем самым смыслом каждое индивидуальное существование. Только всеобщее торжество жизни должно обнаружить смысл существования для каждого, только всеобщее спасение способно прекратить борь-

бу за место под солнцем, обуславливающую существование неискоренимого зла в мире.

Смертность человека есть наказание за богоотступничество, за грех, который, по Н. А. Бердяеву, совершили люди, обольстившись идеей равенства с Богом, нарушив тем самым порядок бытия. Единственным путем к спасению философ видит возвращение к Богу через творческое преобразование себя и мира, результатом которого Н. А. Бердяев ожидает преодоление человеком власти времени и победу над тлением. Необходим подвиг веры, основанный на признании существования мира недоступного для пяти чувств человека. Н. А. Бердяев рассматривает веру как волеизъявление личности, свободное от рамок обыденного опыта человеческого бытия, именно так осознание зыбкости человеческих представлений о реальности делает разум восприимчивым к высшим истинам. Для философа вера – это крайняя формы проявление свободы, бунт против природного начала в человеке, главное доказательство человека своей избранности Богом.

Таким образом, понимание Н. А. Бердяевым миссии человека сводится к восстановлению его в своих изначальных правах как продолжателя дела божественного творения. Для соответствия этой миссии человек должен добровольно отказаться от притязаний на свое могущество в мире, существование в котором для него конечно, непредсказуемо и полностью лишено смысла, пока не будет восстановлена связь с Богом. Пока человек опирается на реальность, построенную исключительно эмпирическим путем, он будет подчинен природе и неотличим от животного, только понимание своего значения для мироздания даст возможность обессмертить себя, наделить смыслом человеческую историю и обрести свободу от навязанных ориентиров бытия. Для Н. А. Бердяева человеческое бытие – это путь осознания и искупления, который человечество преодолевает с разной степенью успешности в зависимости от уровня свободы. Если человек мог стать субъектом творчества, свободно рассуждая о том, что находится по ту сторону человеческой эмпирии, он приближался к настоящему, полному знанию, видению невидимого, если же ограничивался человеческим миром, то продолжал путь богоотступничества. Согласно Н. А. Бердяеву, человеку следует искать более совершенные формы человеческого бытия, не смиряться со злом и не соглашаться с природной обреченностью. Посвятив свою жизнь богоискательству, Н. А. Бердяев был убежден, что человек должен почувствовать неполноту этого мира, его несоответствие представлениям о должном и восстановить себя в праве творить теперь уже новую, человекосоразмерную и богоугодную реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Титаренко С. А.* Специфика религиозной философии Н. А. Бердяева / С. А. Титаренко. – Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2006. – 288 с.
2. *Козырев А. П.* Николай Бердяев : жизнь в поиске Богообщения / А. П. Козырев, Т. А. Сысоев // *Фома*. – 2018. – № 11.
3. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 608 с.
4. *Желобов А. П.* Гуманистические интенции антропологии и этики Н. А. Бердяева / А. П. Желобов // *Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина*. – 2015. – № 2. – С. 105–111.
5. *Young G.* The Russian Cosmists : the Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers / G. Young. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 296 p.
6. *Davy M. M.* Nicolas Berdyaev : Man of the eighth day / M. M. Davy. – London : Bles, 1967. – 149 p.
7. *Яковлев В. П.* Бердяев и марксизм / В. П. Яковлев // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. – 1996. – № 1. – С. 40–42.
8. *Чекер Н. В.* Н. А. Бердяев : Бого-человеческий творческий диалог / Н. В. Чекер // *Соловьевские исследования*. – 2014. – № 1. – С. 91–101.
9. *Бердяев Н. А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев. – Париж : YMCA-Press, 1952. – 246 с.
10. *Галеви Д.* Жизнь Фридриха Ницше / Д. Галеви. – Ростов н/Д. : Феникс, 1998. – 384 с.
11. *Hughes R. A.* Nikolai Berdyaev's Theology of Creativity / R. A. Hughes // *International Journal of Orthodox Theology*. – 2016. – № 7/2. – P. 119–141.

Тамбовский государственный технический университет

Слепцова А. О., кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии

E-mail: sleptsova_ao@mail.ru

Tambov State Technical University

Sleptsova A. O. Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the History and Philosophy Department

E-mail: sleptsova_ao@mail.ru